

18+

Александр Кормашов

ДАЖЕ КОРОЛЕВА
МОЖЕТ ПЕТЬ
В КАРАОКЕ

Александр Кормашов

**Даже королева
может петь в караоке**

«Издательские решения»

Кормашов А.

Даже королева может петь в караоке / А. Кормашов —
«Издательские решения»,

Привычка жениться до добра не доводит. Эта истина известна ещё с тех времён, когда слова «не женись без» были выдавлены стилусом в первом кодексе вавилонского царя Хамурапи (жаль, найдена только половина таблички), тем не менее, актуальность этих слов поражает. Сегодня с развитием интернета популярная клинопись постепенно сходит на нет, и весь мир в очередной раз балансирует на грани катастрофы, когда безответственные мужчины и женщины снова предаются своему пагубному пристрастию — любви.

Содержание

Глава 1. Пароль	6
Глава 2. Ущелье Маска	11
Глава 3. Мальвазия	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Даже королева может петь в караоке

Александр Кормашов

© Александр Кормашов, 2026

ISBN 978-5-0071-1560-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пароль

— К вам подойдёт человек и назовёт пароль.
— Какой пароль?
— «Даже королева может петь в караоке».
— Это пароль?
— Это пароль. Отзыв: «Если у неё красивые ноги». Всё понятно?
— Нет.
— Короче, он подойдёт и скажет: «Даже королева может петь в караоке», а вы ответите: «Если у неё красивые ноги», и человек положит вам в руку коробочку. Это контейнер.
— Какой контейнер?
— Контейнер для хранения зубных протезов. Такие продают во всех интернет-магазинах. Внутри зубные протезы.
— Их много?
— Их два. Для верхней челюсти и для нижней. Человек скажет: «Это осталось от твоей бабушки» и уйдёт.
— Как? А наша бабушка дома. Она никуда не уезжала. Их было даже две. И был один дедушка. Но все они дома, в России.
— Это неважно. Человек скажет: «Это от твоей бабушки» и уйдёт.
— А если меня спросят?
— Спросят что?
— Про эти протезы.
— Здесь не спросят. А если спросят, ну скажете, их забыла любимая бабушка, к которой вы прилетали, чтобы забрать её домой. На отдыхе ей стало плохо, вы за ней прилетели, но её отправили раньше. Только в номере она забыла протезы. Вам надо их привезти. Привезите. Всё понятно?
— Нет.
Тем не менее, я был вынужден сказать «да». И тотчас превратился в контрабандиста. Но всё закончилось быстро. Действительно, в аэропорту ко мне подошёл человек и передал контейнер с зубными протезами. Как и было условлено, я положил их в багаж. Полёт прошёл без происшествий. В Шереметьево багаж просветили и в протезах обнаружили кариес. Ну вот и всё. И привет. Кстати, если бы эти протезы оставались во рту у бабушки, никто бы ничего не нашёл.

Самое смешное, что в аэропорту всё и начиналось. Но в другом аэропорту, на Канарах, на острове Тенерифе. Погранконтроль вдруг начал тупить.

— Алехандро? — спросил меня пограничник.

— Что?

— Алехандро? — повторил он.

— Нет. Ноу-ноу. Александр. Кс. Др, — ответил я.

Он снова уставился на меня. Я закатил вверх глаза. Мол, у меня такая идиосинкразия.

Идиосинкразии никакой не было. А было, как в плохой итальянской комедии. Когда я менял в Бирюлёво-Западном свой загранпаспорт, меня попросили сесть в кабинку и снять очки. Я сел, снял. Я сидел в кабинке. Ничего не происходило. Вдруг вспыхнул свет, я поднял вверх глаза, и тут меня сфотографировали. Поэтому на получившемся снимке я смотрел вверх, а не прямо перед собой. Фото мне, разумеется, показали и ещё до вклеивания в паспорт, но у меня как-то выдавилась одна линза из очков, и, пока я её вставлял, толком ничего не разглядел.

А потом было поздно. Видимо, поэтому испанский пограничник и не спешил меня узнавать. Ждал, когда я закачу глаза вверх.

Лариса проходила погранконтроль вслед за мной и тоже закатила глаза. Такие вещи я чувствую спиной. Словно её глаза ищут у неба подтверждения, что это я, снова я где-то лопухнулся. Её идиосинкразия.

Из всех моих прежних жён только у Ларисы была эта странная потребность считать меня не таким, как все. Не таким, как те. Разумеется, с её прежними мужьями тягаться мне было сложно. Один вообще был английский баронет, и сама она тогда называлась леди. Жить в Бирюлёво ей было стрёмно. Жаль, этого никто не знал. Ей сочувствовал только соседский лабрадор, золотистый, как стафилококк, которого она брала у соседа в долг, чтобы выгулять. Я знал, что она пьёт пиво и курит, когда гуляет с собакой в парке. Мне и самому в такой вечер хотелось пойти к соседу и попросить в долг его кота. Которого звали Пинок.

На Тенерифе мы прилетели днём. С высоты хорошо было видно море, остров, вулкан, составлявший его вершину, и посадочную полосу внизу, на которой однажды столкнулись два Боинга-747. Крупнейшая авиакатастрофа в истории. Лариса сказала, что никогда мне этого не простит.

Выбравшись с багажом на стоянку, мы ещё долго ждали мужика, который должен был дать ключи от взятой напрокат машины. По интернету я заказал фольксваген-гольф, посчитав, что на двоих его хватит, потому как остров, чай, не Москва, и был прав, однако не смог открыть багажник. Нигде никакой ручки, кнопки. Пришлось позвать мужика, чтобы показал. Следовало нажать на кружок с эмблемой VW. Лариса пять раз закатывала глаза. Отдых был испорчен.

Как человек своего поколения я больше люблю Гоа. Просто люблю Гоа. Потому что терпеть не могу носиться по Индии из города в город, из храма в храм, из ашрама в ашрам. Утром я люблю долго плавать, а затем долго завтракать в раз и навсегда облюбованном шэке, пить сладкий масала-чай, есть яичницу sunny side up, то есть солнцем вверх (никогда не видел, чтобы кто-то ел солнцем вниз), потом валяться на лежаке и читать книги, исторические или про шпионов (детективы здесь почему-то не заходят), каждый час на полчаса заплывать в море и давать волнам возвращать тебя к берегу, в полдень выпить первое пиво из бокала с картинкой зимородка, а затем уже просто чередовать пиво-книга-море, пиво-книга-море и так до обеда в этом же в шэке, потом в четыре часа возвращаться в гостиницу, душ, сон, секс, далее около семи вечера, когда уже начинает темнеть, надевать рубашку и брюки и солидно выходить с дамой в город, на главную улицу с полусотней ресторанчиков (ресторанчик каждый раз разный, но чёрный гоанский ром везде волшебная песня), затем в одиннадцать вечера, когда уже всюду глухая ночь, преувеличенно бодро возвращаться домой и крепко спать до семи утра.

Лариса сказала нет.

Сам не знаю, почему я слушаюсь эту Ларису. Возможно, из привычки жениться. Хотя это не моя естественная привычка. Это привычка актёров. Я же не актёр. Я человек двух стихий: кабинета и леса/реки. Если не прохлаждаюсь в лесу или на реке, значит, пошло затворничаю у себя в кабинете. Я ж кабинетный волк. Сдвинуть меня с этих двух позиций практически невозможно. Ведь как только занимаю одну, тотчас начинаю скучать по другой.

— Ясно, — сказала Лариса, едва мы с ней переспали. — Ты находишься в квантовой суперпозиции. Суперпозиция это... — и она подробно всё объяснила. А поскольку когда-то закончила философский факультет МГУ (я всем говорил «филфак»), то уже один этот факт поколебал мою долгую веру в оздоравливающую силу celibата.

— Нnnnnnnне.

Это сказал не я. Это сказала худая, астеничного вида девушка, которая уже явно перележала на солнце и давно собиралась уходить, освободив хотя бы один лежак. Я хотел её к этому подтолкнуть и всего-то спросил:

— Вы уходите?

— Нnnnnnnне.

Возможно, ей нравилось слушать, как мы с Ларисой ругаемся. Бесплатный радиоспектакль. Мы лежали внизу, на песке, практически рядом. Практически на одном большом пляжном полотенце и на одной футболке, притороченной сбоку, разумеется, моей.

Когда я сказал, «мы лежали на песке», это ложь. Не знаю, как другие Канарские острова, но остров Тенерифе совершенно лишён песка. Там вообще нет пляжей. Нет рек, которые бы могли намыть приятный жёлтый песочек. Там есть шлак. Грубый угольный шлак, выкинутый наружу из-под земли рабами бога Гефеста и старательно перемолотый волнообразными движениями рабов царя Посейдона. А чёрный пляж — это же, понятно, не пляж. Это... ну как бы это сказать. Короче, когда Лариса переворачивалась и закидывала одну свою ногу на мою (такая у неё привычка — всегда и всё проверять), я видел её ногу словно обсыпанную чёрным охотничьим порохом. Порохом. И мне даже бессознательно хотелось... Нет-нет, я давно уже не подросток. Нога была и без того красной. Спереди. И в отличие от бедра в задней части. Потому что, пока я это писал, Лариса уже перевернулась на живот, но и зацепила своей узкой тонкой ступнёй мою ногу. Словно якорем. Когда-то она собиралась замуж за одного сильно ветреного капитана, владельца парусной яхты. Это ещё надо обсудить.

Ну так вот. Задняя часть её бедра/бёдер оставалась ещё трогательно белой и никак не посыпанной никаким порохом. Признаться, я всегда любил эту часть. Потому что у Ларисы не было целлюлита. Возможно, это меня и сгубило. Мы познакомились банальнее некуда — на сайте знакомств. Там она, правда, громогласно не заявила: «Товарищи, у меня нет целлюлита!», но в графе образование поставила «физик-ядерщик». Я не верю, что она поступила так чисто ради прикола. Думаю, она заранее просчитала, что всякие такие, как я, на это обязательно клюнут. Я клюнул. В итоге, она обманула меня на профессию и целых пять лет. И оказалась даже старше меня. На целых три месяца. Правда, когда мы уже дознакомились до того, чтобы начать мериться паспортами, к тому времени я уже не раз убедился, что, действительно, никакого целлюлита. Всё гладенько. В такое можно влюбиться и с одного раза.

Тронутый, я зачерпнул рукой немного чёрного песка, выбрал из него все крупные камешки и посыпал им её белые бёдра от самых краёв бикини до подколенных впадинок. Потом бережно и любовно самой-самой воздушной частью своей ладони... ну, короче, стряхнул. Немного на полотенце. Она приподняла голову, посмотрела сначала на меня, потом на полотенце и передумала переворачиваться. Где-то нащупала флакон с кремом и через спину кинула им в меня. Я был согласен. Тоже хлеб.

Я натирал Ларису кремом и косился на обладательницу лежака. Та расстроилась, что подслушивать больше нечего, и стала действительно собираться. Тоненькая, худая, тростиночка, прутик, вица. Могла бы быть вице-королевой красоты в годах так в шестидесятых прошлого века. Ларисе знать эти тонкости, мне подумалось, ни к чему, но про себя я заметил, что и другие лежаки тоже стали освобождаться. В ближайших отелях наступало время обеда и послеобеденной фиесты.

Лариса напряглась. Она не могла не почувствовать, как мой взгляд, только что принуждённо ласкавший её освобождённую от завязочек спину, вдруг начал куда-то исчезать. А ведь факт: массаж руками без взгляда неполноценен. Любовь должна выражаться. Лариса приподнялась, оперлась на ближайшую, лишь тактильно массируемую руку, перевернулась и села. Обладательница лежака на это вежливо обернулась и сказала до свиданья. Мы кивнули. Телезрители редко говорят до свиданья телевизору, а уж радиослушательницы — вообще редкость. Но всё равно приятно.

Мы тоже приготовились собираться, но сначала должны были искупнуться. Мы это делали по очереди, и, пока Лариса купалась, я рылся в песке. В нём было очень много камней. Все обкатанные, округлые, самых разных размеров и форм, оковалки, обмылки, гусиные, куриные и перепелиные яйца, очень много яиц и все чёрные. Счастье, что яйца динозавров обслуга отелей всё-таки убирала. А может, не убирала, а просто скатывала обратно в воду.

Когда Лариса вернулась, пошёл купаться я. Никакого удовольствия. На подходе к воде чёрный порошок песка сделался на вид жирным, масляным, маслянистым, хотя и не скользким. Камней под ногами становилось всё больше и больше, и идти по ним было всё равно по дну горной речки, хотелось уже скорее плыть. Это было так. Ты стыдливо присаживался, и волна тут же шмякалась прямо тебе в лицо без всякой излишней вежливости, словно вы знакомы накоротке, да и потом на обратном пути не отказывалась шлёпнуть тебя по затылку. Волны короткие, невоспитанные. Не Гоа. А чёрный порошок в тот день сыпался даже из усов.

Когда мы сели в машину, Лариса благосклонно заметила, что оставить машину на солнцепёке было правильно, потому что сейчас она уже давно стояла в тени. Я ухмыльнулся, уловил в её голосе нотку извинения, хотелось бы того и от навигатора. Ехать нам было довольно далеко, крутятся по прибрежным улицам, и всё в гору, в гору, поскольку именно там красовался, возвышаясь над городом, наш отель, наш курорт, резорт, таймшер, кондоминиум и ещё пара незнакомых терминов.

Первый день отдыха наконец перевалил через середину. Оставалось уже тринадцать. Но с хвостиком. И с хорошим хвостиком, на полдня.

Во время фиесты вице-королева красоты полувековой давности мне не снилась.

Я почему вспомнил про соседа, у которого был кот по кличке Пинок. Потому что сосед, когда хотел поговорить с ним за жизнь, обращался к нему Тыгр.

Вот этот таким и был. То ли ирландец, то ли норвежец. Рыжично-рыжий в обрамлении курчавой бородки. Мелкой такой курчавенькой бородки, как у курчавошёрстных котов, если такие бывают. Так и хотелось взяться за его толстые наеденные щёки и от всей души потрепать. Морда. Если хочешь сказать коту что-нибудь нейтрально хорошее, назови его мордой. Он поймёт.

Тыгр и был такой мордой. Он убеждал нас немного разориться. Говорил на правильном русском, но с тем акцентом, который больше говорит о прилежности ученика, чем о наличии музыкального слуха. Интересно было бы послушать его на французском.

На второй день нашего отдыха прямо после завтрака всех нас, несколько вновь прибывших гостей, посадили в микроавтобус и повезли на другой объект. Там завели типа в класс, посадили за столы, и напротив каждой пары уселся типа учитель, собеседник, увещеватель, который старался нас в чём-то убедить. Честно сказать, о таймшере я слышал ещё век назад, когда на Москву нахлынула странная волна. Множество знакомых звонили, подкатывали, взахлёб рассказывали о и доказывали на каких-то примерах, как будет хорошо, если мы с этими знакомыми (с кем-то едва-едва) купим некий «план» и будем отдыхать по всему миру в первоклассных апартаментах на первоклассных курортах. Волна нахлынула и откатилась. Я даже не подозревал, что материальные следы от секты таймшериянцев где-то в ещё мире остались, но вот. В увещеватели нам достался Тыгр. Он выбрал нас себе на обед.

Лариса не хотела быть съеденной и безостановочно щебетала. Казалось, ещё минута и она протянет через стол свою руку и как бы невзначай положит её на рыжую лапу. После этого лапа решительно отринет всё tenerифское, переедет в Россию, войдёт в программу дальневосточный гектар и начнёт выращивать на своей земле культивированный женшень. Тыгр уже был на грани замурлыкать. Лариса вела себя так, как будто сама уже имеет гектар, держит на нём пасеку и страстно мечтает о том, чтобы кто-то из новых соседей начал выращивать культиви-

рованный женишень тоннами. Доход гарантирован. Тонны настоек на меду всего за несколько лет перегрузят Озон и Вайлдберриз, остатки будут сброшены на Китай.

И всё-таки обидно. И хотя Лариса потом истово божилась, что предупреждала меня об таймшере и даже намекала о «том каком-то», который платит взносы, хотя я как всегда никогда ничего не слушал, а поэтому как всегда никогда ничего не слышал, ситуация всё равно вышла глупой. И становилась всё глупее и глупее, когда Тигр выскользнул-таки из медовой ловушки Ларисы и переключилась на меня. Очевидно, решил, я и был «тем кем-то» из бывших ларисиных мужей, который в этот таймшер и влип. Наш увещеватель лихорадочно листал предо мной рекламную книжку сертификата и, косясь на Ларису, тыкал пальцем то в Таиланд, то в Тунис. «Дэнги, дэнги давай!» — раздувалась его тигриная морда, в глазах плясали звериные огоньки.

Денег у меня самого было лишь на вкладе да расплатиться в ресторане и в магазине и отдать за бензин. Всё остальное у Ларисы. Она была моим главным бухгалтером. А также литературным агентом, юридическим советником, продюсером, импресарио, консильери, шпионом, короче, всем моим ИП целиком и ещё медсестрой. В конце собеседования она выделила нам с Тигрой по таблетке. Тигр отказался. Впрочем, правильно. Я сам бы из рук этой женщины ничего не взял. Но я был дело другое. Я был влюблён. Я видел в ней второе издание Лайзы Минелли только в русском изводе.

В тот второй день Тигр попадался нам на глаза ещё несколько раз. Мы видели его в отеле, и мы встретили его в коридоре того служебного этажа, где находились офисы президента корпорации нашего таймшера, его вице-президентов и всяких таких. Затем он зачем-то толкался на ресепшене. Вечером он сидел за одним столиком вместе с другим начальствующим составом отеля. Но выглядел уже совсем по-другому. Никаких футболок и джинсов, всё очень строго. Белая рубашка с короткими рукавами и фирменным галстуком, чёрные брюки, чёрные туфли. Похоже на форму лётчика гражданского авиации. Не было только фалыш-погон на плечах. Три золотистых лычки на них вполне бы смотрелись.

Вечер предполагал музыку. Оркестр играл в меру громко. С виду отличный семейный дуэт, певец и певица, выдавали грандиозные каверы на самые проверенные хиты, когда-либо выстреливавшие на пляжах Монако и Лазурного берега. Но тут пришёл Тигр и выманил Ларису на танец. Хотя танцевал он плохо. Мне показалось, что он был как-то зажат, чем-то сдавлен. Словно ларисино декольте придушивало его. Точно не скажу, потому что раньше такой картины не видел, чтобы декольте могло придушивать человека, но мне чудилось, будто он надел на себя тяжёлый ошейник, сдавливающий его шею, могучую мохнатую шею, в то время как его жёлтые тигриные когти полосовали спину партнёрши в кровавые лоскуты. Ну ладно, преувеличил, почудилось. Как и позднее, когда его выдранная шерсть почти зримо летала по курительной комнате, смешиваясь с дымом, и, кажется, даже попадала в кофе, завязываясь там в содрогательные узлы. Пить я больше не мог. И не зря. На следующее утро Тигра нашли утонувшим в бассейне.

Глава 2. Ущелье Маска

Утро следующего дня отметились только небольшой суматохой, поскольку руководство отеля не хотело волновать отдыхающих. Мы тоже относились к последним, но полдня просидели в номере, потому что Лариса плакала. Какая-то русскоязычная женщина, вроде той, что всего только пару дней назад оформляла нас на ресепшене, принесла поздний завтрак и передала послание от кого-то из испаноязычных, чтобы мы не покидали остров. Ага.

Потом зашёл канарский полицейский в гражданском и сказал:

— Hola.

— Ола, — ответил я.

— Гола, — ответила Лариса. Она всё ещё говорила в нос, который оставался заложенным. Банное полотенце уже увлажнилось, но слёзы не заканчивались.

— Гдо дуд дагая даагая? — передразнивал я её, пытаюсь расшевелить.

Не знаю, как это бывает у вас, но меня возбуждают пятки. Я знаю, что дети упоительно визжат и хохочут, когда взрослые кусают их за пятки. Лариса реагировала так же. Похоже. Всего-то и нужно было нащупать под одеялом её тёплую ногу, вытащить ту на свет, потом крепко, обеими руками, взяться за лодыжку и махом приподнять всю Ларису повыше ровно настолько, чтобы дать ей почувствовать себя болтающейся в воздухе жертвой, а дальше уже дело техники — взрычать, открыть рот и сразу укусить. Сразу и больно. Взвизг и борьба.

Борьба за отгрызание пятки никогда не сопровождалась борьбой чисто против отгрызания пятки, поэтому в итоге всё закончилось слаженным оргазмом. В то утро наш завтрак был съеден до самой последней крошки.

После этого пошли дни. Зоопарк. Что такое зоопарк, знают все, но пусть теперь также знают и то, что в зоопарках живут капибары. Перед ними нужно просто стоять и тупо на них смотреть. Затем можно идти дальше. Аквапарк. Аквапарк — это водная труба, в которую тебя бросают, предварительно, как покойнику, сложив руки на груди. После этого слива голый сплав по тропическому ручью на разноцветных резиновых ватрушках уже просто пустая трата времени. Волновое цунами в бассейне штука замечательная, но повторения волны можно было дожидаться уже в Юго-Восточной Азии. Фламенко. Ну, допустим, фламенко. Это песня. Это вообще песня. Концерт песни. Очень громкой, пронзительной, нервно плачущей, скорбно воющей, сильно мучающей русское ухо испанской академической песни, исполняемой то мужчиной, то женщиной, он и она в национальных костюмах. Какое счастье не знать испанского! И как нам быстренько объяснил невесть откуда взявшийся местный гид, то ли с Брайтон-Бич, то ли прямо с Одессы, имевший в предках музыковедов, содержание этих песен почти дословно перекликается с сюжетами русских частушек. Лично я усомнился. Жанр деревенских страданий показался мне всё же ёмче. В любом случае, я бы легко променял прослушанный концерт на один только хит, исполненный семейным дуэтом, певшим в ресторане в тот вечер, когда утонул Тыгра. Никогда не любил этнику.

В одно из прекрасных утр нам всё же пришлось давать показания по поводу знакомства с Тыгром. Давала их больше Лариса и больше на английском и так быстро, что я едва успевал кивать. Каждый кивок обозначал, что я тоже ведь что-то помню. Когда я не кивал, все смотрели на меня вопросительно. Тогда я кивал слегка вбок, себе на плечо. Очень смуглый, просто жгуче-смуглый, весь будто обожжённый в гефестовой преисподней, местный канарский следователь-судья, хуэз де инструксион, как бы это ни звучало, в конце концов, глухо обронил:

— No entiendo.

Он не понимал. Мы тем более. Прощаясь, он пожал нам руки. Пожимая руку Ларисы, он как будто поскрёб её ладонь пальцем, ногтем, словно проверяя, реальная ли она. Лариса неубедительно хихикнула.

Неделя в таймшере должна скоро была закончиться. В программе у нас оставался только некий Лунный пейзаж и ущелье Маска. Обе достопримечательности оставались доступны с этой стороны острова. Вулкан же и загадочный музей бабочек ожидались с другой, их тоже мы должным образом собирались посетить, но уже после переезда на север, сразу после окончания оплаченной чьими-то взносами недели в таймшере. Мы надеялись, полиция нас отпустит. А пока на тот день было запланировано ущелье. Если судить по карте, оно находилось гораздо ближе, чем всё остальное, так что после обеда мы отправились туда.

Лариса любила длинные пиджаки. Они хорошо сочетались с лосинами и заменяли ей юбку. Такая фигура. Туфли на высоких каблуках были тоже обязательны. Если бы в таком виде она полезла в ущелье, я бы её понял, потому что и сам лез в лёгких летних кроссовках. К счастью, Лариса подготовилась. Набила в пляжную сумку какой-то одежды, фруктов и взяла бутылку минералки.

Второе, что она хорошо сделала, это заглянула в инструкцию. Простите, оговорился. По ассоциации подумал про то, что наш брат, когда собирает шкаф, сначала его собирает, а уж потом, если что-то не так, изучает инструкцию по сборке. Лариса же была женщина. Она заранее нашла рекламный буклет и дала мне его прочитать. Из текста следовало, что спуск по ущелью Маска по направлению к морю занимает три часа, а обратный подъём к дороге четыре часа. И что нужно торопиться, поскольку ущелье скоро закрывают на обустройство и обновление. Последнее нам ничего не говорило. Если бы Гранд-Каньон в Америке закрывали на обустройство и обновление, мы бы тоже ничего не поняли.

Ночь прошла романтично. Мы сидели на узком каменном уступе, каменная стена над нами, пропасть под нами, совершенная темнота и не менее совершенная тишина. Выше только незнакомые экваториальные звёзды, но совсем не такие, как в средней полосе России, когда смотришь на них со дна колодца. В России звёзды святые. Они благодатные. Они сами набухают живительной влагой и капают тебе в рот, нет, просто льются водопадом, как из бабушкиного ковшика. Пить нам хотелось страшно. Из иных форм бреда, клянусь, там ещё существовали сверхползучие змеи, которые умели ползти по скале вверх, а потом пикировали тебе точно за шиворот. Чтобы змеи не спикировали Ларисе за шиворот, я засовывал её голову себе под мышку.

А вот горные козлы о шести ногах никакой не бред. Едва мы прошли по ущелью первые метров двести, как один такой... одна такая коза принялась нас сопровождать, идя очень высоко, по отвесной скале. Вниз она постоянно роняла для нас свои камешки, чтобы мы не забывали о ней и почаще задирали вверх головы. У этой горной козы было очень большое вымя и настолько большое, что соски доставали до земли. Отсюда возникала реальность, что коза шестиногая. Мне сразу же вспомнился телёнок, тёлочка, у которой на спине росли ножки. Пара ножек росла-вырастала прямо из позвоночника, и они болтались по бокам тёлочки, как две тряпочки, хотя и с копытцами. Ими, этими тряпочками, можно было даже помахать на манер крылышек. Когда-то в далёкой древности, ещё в самой лютый древности, вероятно, вот такая же тёлочка и послужила прототипом для крылатого коня Пегаса. Если тот, конечно, не был кобылой.

В течение всего нашего спуска по ущелью я старался занять Ларису какими-нибудь рассказами, чтобы отвлечь её от других ужасов. Потому что спуск был непередаваем. Без тренировки в горах Памира нам вообще не следовало ступать на эту тропу, вернее, на её случайные проявления. До сих пор не могу подобрать подходящий образ. На ум порой приходила очень старая молния от ещё более старой куртки, только нет — так порвать и изуродовать молнию

может только природа, человек на такое не способен. Потому что в любой, даже самой негодной молнии несколько упорядоченных ступенек ещё могут быть к вашим услугам.

Я прожил долгую жизнь (хотя ещё не прожил), но, клянусь, за всю свою жизнь, в совокупности всех своих грехов и благородных поступков, я ещё никогда не подавал столько раз руку женщине, сколько раз я это делал в тот день. И не ловил столько раз одну женщину в объятия, сколько раз я это делал в тот день. Ну и столько раз не таскал одну женщину на спине. Наконец не обещал столько раз, что конец уже близок. Потому что мы все умрём.

Когда мы появились на берегу моря, солнце уже собиралось скрываться за ближайшую скалу. От крошечной пристани отчаливал парходик. С парходика нам махали руками, принимая нас за последних тупых идиотов, сумевших отстать от организованной экскурсии. Мы слабо помахали в ответ. Мол, вверху нас ждала машина. Ну-ну. После этого мы остались одни. Уставшие, как собаки, с запалённым дыханием и сбитыми напрочь ногами. Нам очень хотелось пить, но из воды у нас оставалось только море.

На чёрном каменном пляже, состоящем из больших и поменьше округлых валунов, похожих на стадо черепаш, размером от нашей родной красноухой до гигантской галапагосской, от всей цивилизации оставался лишь синенький вагончик какой-то кафешки, заодно магазинчика. Только окна были закрыты ставнями, дверь заблокирована железной перекладиной. Продавец или продавцы уплыли.

Мы искупались. Море не обратило внимания на то, насколько мы сами по себе были потные. Нас спасло только то, что уровень солёности человеческой крови совпадает с уровнем солёности мирового океана, иначе бы океан тут же высосал из наших обезвоженных организмов их последнюю влагу — чисто как из несчастных бактерий при засолке грибов или огурцов. В уме, я уже приготовил для Ларисы рассказ об осмотическом давлении и вообще о законах гидростатики. Намеревался скрасить муки агонии краткой познавательной лекцией, как Лариса вдруг начала поправлять свои мокрые волосы, и последний луч исчезающего солнца внезапно осветил её лицо, руки. Луч пронзил заблестевшие волоски на её обсохшей руке, показал на просвет все алмазики морской соли на этих волосках, и каждый такой алмазик укреплял веру в утреннюю росу.

Ночевать можно было и на берегу моря, прямо на спинах черепаш, но здесь уже становилась прохладно. Мы пошли поглубже в ущелье, там было намного теплее, поскольку дневная температура доходила уж точно градусов до тридцати с лишним. Мы шли, пока можно было хоть что-то разглядеть. Возможно даже, что до машины нам всего оставалось километров пять. Из шести.

Ночь обрушилась без предупреждения. Сразу, без сумерек. Да и на море, наверное, в этот день обошлось без зари. Хотя да, о заре помечталось. Да и кто из нас, положив руку на сердце, откажется увидеть тачдаун? Это когда солнце опускается в море так же чётко и медленно, как в бокал для мартини с красным вермутом может опускаться лишь кружок апельсина.

Так-то друг друга мы знали ещё мало. Просто были уже в том возрасте, когда можно было обсуждать что угодно, заниматься чем угодно и как угодно придуриваться, не боясь, что кому-то чего-то придётся объяснять или перед кем-то отчитываться. Конечно, порой в скорлупу наших отношений нахально долбили клювами друзья, нередко прозванивались дети, напоминающая о родительском долге, больше о долгах, их же, но в данном случае это не тема. Кстати, вот если бы эти самые строки, вот прямо сейчас, писала бы какая-нибудь женщина, далее стопроцентно последовал бы рассказ о том, как мы сидели на скале, прижавшись друг к другу, как сиротливые голубки/попугайчики, а царица Тамара спустилась бы к нам с небес и царственно рекла:

— Знаю, знаю. Не корысти ради, а токмо волею пославшей вас друг другу судьбы.

Судьба, если брать нас по отдельности, действительно посылала нас часто, по разным направлениям, но это тоже другой рассказ и даже рассказы, и даже рассказы, но здесь им не место. Хочу сказать о другом. Бывают беды, напасти, которые долго не заканчиваются, а потом и не хочется, чтобы резко заканчивались. Это как детское отдираание коросты с колена. Ночь была именно такой. Я спросил её, как её называли в детстве.

— Ля-Рысь, — ответила она.

— Как?

— Ля-Рысь. Я сама придумала.

— Да?

— Да. Ля-Рысь. В детстве мы занимались гимнастикой, и у меня была подруга, у которой были очень длинные бёдра и, когда она вставала четвереньки, то была похожа на пуделя. У собак это называется квадрат телосложения. Я всегда ей завидовала, но сама всегда была пышкой. И тогда я решила, что я буду не собака, а рысь. Та тоже квадратная. Я похожа на рысь?

— Да. Я чувствую, что ты рысь.

— Я сейчас замурлыкаю.

— Ну давай.

— Мур-р.

— Гав! — тотчас гавкнул я и в темноте нечаянно попал в ухо.

— Мур-мур, господи! — возмутилась она, отстранившись.

— Гав!

— Мур-мур. Стой. Заканчивай со своими «гав», я уже мурмурею, говори что-нибудь хорошее. Ну!

— А что? Ну, ты это... ты моя мурмурация.

— Что?!

— Мурмуренция. Подойдёт?

Это вылетело случайно. От нелепости она громко и гулко фыркнула. А потом я ей рассказал свой любимый расслабляющий анекдот. А потом попробовала она. Женский. Сокровенный. С фантазией. Правда, у неё опять был заложен нос, и голос её гундел, а бесстыдное эхо разносило анекдот по ущелью. В окружающей чёрной тьме это эхо уже скоро выполняло неприглядную роль соглядатая и готово было поддержать свечку. А вот фиг. Целоваться Лариса из-за насморка не могла, повернулась ко мне спиной. Каменный уступ, его каменный матрац довольно плохо амортизировали, так что ущелье качалось целиком всё, и это было опасно. С другой стороны, мне казалось забавным, что когда вокруг совершенно ни зги, в этой зге почему-то странно кружится голова, и кружится она совершенно отдельно. Много выше её прежнего места на шее. Одновременно ночные насекомые попадали мне в рот, и я кашлял. Но Лариса неслась.

Проснулись мы, когда уже рассвело. Вдобавок к искалеченным ступням ног, теперь у нас были разбиты и колени.

Благословенны женщины, чьё либидо прорастает сквозь камни.

Глава 3. Мальвазия

Многие нехорошие вещи в жизни я делал чисто из любопытства: а что будет, если? А если вот так? Ведь в книгах же пишут. Просто тогда не знал, как опасно проверять на себе что-то из того, что писатели описывают в книгах. Сами же они на себе ничего не проверяют. Вот напишут, что летали из пушки на Луну, а на Луне-то даже и не бывали. Но это не главное. Писатели не главное. Главное, Лариса призналась, с ней тоже такое бывало. Она ведь тоже из любопытства. Так она стала, например, женщиной.

— Так ты не девушка! — вскипел я в праведном гневе.

— А ты похотливый козёл, — ответила она.

— А ты шестиногая коза!

— А ты восьминогий таракан. Да! Рыжий и восьминогий.

— Восьминогих не бывает. Только шести.

— Посмотри на себя.

Я задумался. Конечно, у меня рыжие усы. Но я ими не ходил.

Мы ругались. Весь следующий день по выходе из ущелья мы лежали пластом, но к вечеру уже набрались сил, чтобы поругаться. Ругаться с Ларисой всегда было милое дело, не в пример моим прежним женщинам, не сказать, жёнам. Она умела злиться толково, содержательно, творчески. Потому что назавтра нам предстояло увидеть Лунный пейзаж.

Забегая вперёд, скажу, что фактически лунного пейзажа на острове много, а на вершине, вокруг вулкана, так он вообще повсюду. Позаимствованная поверхность Луны занимает там целые гектары, если не квадратные километры. Но есть ещё и особенный лунный пейзаж. Он практически белый и находится ниже вулкана, на склоне. Ближе к цивилизации. Некоторым образом это место Дувр, Белый Альбион, старая добрая Англия, пускай её там немного, и она сильно осыпается. Конечно, мы туда добрались, даже покатались на осыпях и совсем не убились. Хотя в общем-то, если честно, там ничего интересного. Столбы выветривания.

Идти туда и спускаться обратно было через лес. Канарские сосны, пинии, имеют очень длинные иголки, размером с вязальную спицу, и шишки размером с ананас. Когда в одном мультике обезьяна кидается с пальмы ананасами, на самом-то деле она кидается вот этими шишками. К счастью, шишки не набьют шишки. Простите за каламбур. Они очень лёгкие. А ещё под местными соснами растёт белый мох. Совсем как дома, в России. Хочется на него сесть и плакать. Говорят, что русские тенерифцы ездят сюда собирать белые грибы. Хочется рыдать.

Через лес мы спускались от Лунного пейзажа к машине. Снова к. Но позавчера мы спускались сначала от машины, ныряя в ущелье Маска, и лишь потом на карачках к. Сейчас ровно наоборот. Но почти с тем же результатом. Говорят же, дурная голова ногам покоя не даёт. К счастью, сейчас стопроцентно виновата была Лариса.

Как я уже сказал, накануне вечером мы ругались. Она от меня требовала утром же на пейзаж, потому что истекал срок. А я не хотел. Я не мог. У меня была нога. А на ней шпора. Но это у петуха его шпора нормально смотрит назад и никому не мешает, у меня ж противоестественно вперёд. Плантарная фасция моей левой стопы всегда была несчастной по жизни, она и родилась жертвой, а тут ещё этот камень. Эта острая пирамидка прямо на тропе. На которую, пирамидку, я не просто наступил, прямо спрыгнул на. И был теперь обездвижен. Но Лариса не верила. Она осмотрела всю мою пятку, ощупала её, поковыряла своим длинным крашеным ногтем, но никакой шпоры не нашла. Не доковырялась. И напрасно я ей доказывал, что она там. Там, внутри. Лариса не слышала. Спасибо уж то, что включила медсестру и выдала таблетку.

— Всё равно я завтра не могу ехать, — продолжал упираться я. — Не могу выжимать сцепление.

— Тогда машину поведу я.

— С ручной коробкой ты не умеешь.

— Научусь, — буркнула она и погрузилась в изучение навигатора.

Мы уже легли спать, когда она нашла в навигаторе короткий маршрут.

— Вот смотри!

Маршрут в самом деле был короткий, но выглядел слегка странно. Совсем не по серпантину, совсем не через знакомый мотель, в котором мы уже отдыхали, катаясь по острову, а практически по прямой линии.

— Представляешь, получается совсем рядом! — восхитилась она.

А и правда.

Утром она попыталась ударить меня пляжной сумкой, потому что у машины оказалась автоматическая коробка, и я сел за руль. Она назвала меня обманщиком, но села рядом довольная. В те дни, когда она была ещё английская леди и смело ездила по левой стороне всех британских дорог, она, конечно, умела переключать передачи, но в последнее время ленилась даже вспоминать. Форменная загадка, как она не заметила, какая же у гольфа коробка? Но это загадка для окружающих. Про себя же она всегда скажет, что у неё просто технический кретинизм. Вдобавок к географическому. И легко отмахнётся от обоих. При этом остальной окружающий мир был для неё открытая книга. Книга нараспашку. Мировая душа нараспашку. Так учат философов. Чтобы уметь смотреть широко и глубоко. И чтобы видеть детали. Мелкие детали она замечала с дотошностью Штирлица. К примеру, пока мы проводили плодотворную ночь на каменном уступе в ущелье, в нашем номере кто-то побывал и порылся. И это была не горничная. Та прибиралась с утра. Кто-то.

В тот день мы выехали пораньше с утра, сразу после завтрака. Наши тела находились в относительно неплохом состоянии... скажем так, свиной отбивной, это по моим ощущениям, или хорошо темперированного клавира, это по словам Ларисы. Хотя я отлично видел, что её клавир тоже беспокоила температура обжарки. И качественного отбивания тоже. Но её этим утром посетило вдохновение.

На самом ровном участке дороги, когда впереди не было ни одной машины и одной сзади, она вдруг призналась, что у нас украли мой ноутбук. Мой.

Я мог бы, конечно, резко ударить по тормозам и страшно закричать: «Что-о?!» — после чего съехать на обочину и сделать так, чтоб передние колёса крутились над обрывом. Мог бы врезаться в какую-нибудь одинокую оливу, очень толстую и корявую и за это особо охраняемую государством. Мог бы даже на испуганный визг: «Следи за дорогой!» — как-нибудь начать глубоко вздыхать и закатывать глаза. Опыт был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.